

«ГВАРДИЯ КОМУЧА»: ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ЧАСТИ УФИМСКОГО ФРОНТА В ОКТЯБРЕ 1918—ЯНВАРЕ 1919 гг.

Н. А. Заяц

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Россия, 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4

Исследование, проведенное на основе архивных документов Белой армии, мемуаров и советских донесений с применением историко-реконструктивного и сравнительного методов, впервые комплексно анализирует малоизученные добровольческие формирования эсеровской ориентации (1-й Русско-Чешский полк, батальон имени Учредительного собрания, отряд Б. К. Фортунатова), созданные в 1918 г. при поддержке Комуча и чехословаков. Установлено, что инициатива создания исходила от чешского командования для пополнения фронта. Несмотря на революционную риторику, они показали ограниченную боеспособность. Попытки эсеров использовать их против колчаковского переворота провалились из-за нейтралитета чехов и аполитичности добровольцев. В январе 1919 г. формирования были расформированы, что подтверждает несостоятельность «демократической альтернативы» в Гражданской войне. Исследование вносит вклад в понимание механизмов формирования белых армий и роли политических факторов в их эволюции.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Комуч, эсеры, антибольшевистское движение, «демократическая контрреволюция».

Для цитирования: Заяц Н. А. «Гвардия Комуча»: добровольческие части Уфимского фронта в октябре 1918—январе 1919 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 12—19. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-12-19. EDN: LBDWDF.

© Заяц Н. А., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

“KOMUCH'S GUARD”: VOLUNTEER UNITS OF THE UFA FRONT IN OCTOBER 1918—JANUARY 1919

N. A. Zayats

Moscow Aviation Institute, Russia, Moscow, Volokolamskoye shosse, 4, 125993

The study, based on archival documents of the White Army, memoirs and Soviet reports, using historical-reconstructive and comparative methods, for the first time comprehensively analyzes the little-studied volunteer formations of Socialist-Revolutionary orientation (the 1st Russian-Czech Regiment, the Constituent Assembly Battalion, the B. K. Fortunatov Detachment), created in 1918 with the support of the Komuch and the Czechoslovaks. It is established that the initiative to create them came from the Czech command to replenish the front. Despite the revolutionary rhetoric, they demonstrated limited combat effectiveness. Attempts by the Socialist-Revolutionaries to use them against Kolchak's coup failed due to the neutrality of the Czechs and the apolitical nature of the volunteers. In January 1919, the formations were disbanded, which confirms the failure of the “democratic alternative” in the Civil War. The study contributes to the understanding of the mechanisms of the formation of the White armies and the role of political factors in their evolution.

Keywords: Civil War, White movement, Komuch, Socialist Revolutionaries, anti-Bolshevik movement, “democratic counter-revolution”.

For citation: Zayats N. A. “Komuch's Guard”: volunteer units of the Ufa Front in October 1918 — January 1919. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 4. P. 12—19. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-12-19. EDN: LBDWDF.

Введение

История Белого движения на Востоке включает в себя много необычных военных частей. Так, в конце 1918 г. в попытках удержать фронт самарским правительством был создан ряд добровольческих частей проэсеровской ориентации: 1-й Русско-Чешский добровольческий полк, батальон имени Учредительного собрания и Самарский конный отряд Б. К. Фортунатова. Они очень мало изучены исследователями, хотя нередко упоминаются в литературе и источниках, например, в воспоминаниях начальника штаба Самарской группы войск генерал-майора С. А. Щепихина [1], генерал-квартирмейстера группы полковника П. П. Петрова [2], участников эсеровского движения [3]. Увы, литература по этому вопросу страдает неполнотой и неточностями [4]. Между тем этот сюжет представляет ценность для понимания чешского влияния на Белое движение, влияния политических факторов военного строительства 1918–1919 гг., а также для изучения периферийных акторов Гражданской войны, открывая новые перспективы в осмыслении этого периода. Таким образом, целью статьи является полное воссоздание появления, развития и роли этих частей.

Источниковой базой исследования помимо существующей литературы по истории Гражданской войны послужили документы белых штабов, материалы Комуча по формированию данных частей, мемуары участников событий, а также донесения советской разведки, которые изучены на основе историко-реконструктивного и сравнительного методов, что позволило восстановить хронологию событий и провести сопоставительный анализ данных из различных источников.

Основная часть

В октябре 1918 г. в Уфе антисоветские силы Востока России сформировали Директорию, принявшую функции Всероссийского временного правительства. Однако она представляла неустойчивый компромисс между эсеровским Комитетом членов Учредительного собрания (Комуч) и реакционным Сибирским правительством. После потери Самары Директория уехала в Омск, где обладала весьма слабой властью. Совет управляющих ведомствами Комуча же уехал в Уфу, приняв полномочия краевого правительства. Там эсеры начали формирование добровольческих отрядов.

Щепихин писал, что глава ведомства внутренних дел П. Д. Климушкин «формировал по образу большевицкому свои партийные части; один батальон имени Учредительного собрания был готов, но на фронт посылать его не собирались. Эта гвардия Комуча предназначалась для личной охраны «Совета»... Без личного приказа Климушкина никто распорядиться этим батальоном не смел. Затем по указу Совета и [с] согласия чешских верхов приступлено было к формированию русско-чешских частей». По его словам, это не нравилось военным, однако командующий чехами генерал С. Чечек поддержал начинание. «...Русско-Чешский полк, далеко не полного состава (всего в тысячу штыков), был наконец сформирован, но обоим я ему не давал, пока не получил заверения, что этот полк поступит в полное оперативное распоряжение моего штаба» [1, с. 135–136]. У Щепихина вообще красной нитью проходит тезис, что части делались эсерами не для боев, а для защиты от правой реакции в тылу. Такой же взгляд представлен во многих других трудах. На-

пример, то же писал С. П. Мельгунов, активно ссылаясь на слова эсера Н. В. Святыцкого [5, с. 241].

Все эти обвинения появились уже задним числом. На самом деле, как говорит сводка белого агента военной разведки, начало русско-чешскому полку положил сам С. Чечек совместно с Францем Эрбеном, который работал в Военной комиссии при Чешском национальном совете. Это было вызвано отсутствием у чехов резервов и желанием иметь часть по чешскому образцу. Предполагалось позже все части сделать по такому типу. По словам сводки: «В формировании русско-чешских частей также заинтересован генерал Войцеховский» [6, с. 555]. Генерал-лейтенант С. Н. Войцеховский 18 октября в Уфе стал командующим Самарской группой. Петров объяснял, что он пошел на это, чтобы дать пополнения фронту [2, с. 57]. Что идея шла от чехов, говорят и другие данные, например, листовка уполномоченного Чешского национального совета Антона Влашека [6, с. 537]. Более того, Эрбен пытался создать русско-чешский полк еще в августе 1918 г. в Самаре, и в тех же выражениях выступал в печати [7, с. 75]. Члены Комуч П. Д. Климушкин и И. М. Майский также вспоминали, что эту идею еще в Самаре выдвинули чехи, однако она провалилась из-за саботажа офицеров [4, с. 219].

Таким образом, инициаторами были чехи, хотя эсеры энергично их поддерживали. Планы использовать эти части в политической борьбе появились, похоже, позже. 5 ноября в разговоре между Уфой и Омском член Совета М. А. Веденяпин сообщал В. М. Зензинову именно об их вынужденном характере: «Развал в армии произошел полный, ее почти нет, она рассыпалась. Это заставило Центральный Комитет призвать всех членов партии под ружье, и тут мы это осуществили и вместе с чешским командованием, вопреки приказам Болдырева создали добровольческие части, которые держат фронт. В наших частях с офицерства берется подписка не носить погон и кокард, только при таких мерах приходится что-либо делать. Нами предприняты шаги совместно с чехами к широкому формированию добровольцев» [8, с. 23].

14 октября 1918 г. Совет постановил: «Признать целесообразным и необходимым в настоящий момент формирование русско-чешских добровольческих полков, причем в первую очередь должен быть укомплектован добровольцами первый русско-чешский полк» [4, с. 219]. Тогда же эсеры создали батальон имени Учредительного собрания. Советская агентура сообщала, что он якобы создан Фортунатовым из расформированных частей полковника Махина [9, с. 104]. Действительно, при отступлении от Самары в арьергарде Ф. Е. Махина шли эсеровская дружина защиты Учредительного собрания — 120 чел., чехо-русский отряд — 80 чел. и конный отряд Б. К. Фортунатова — 120 чел. [10, с. 432]. Видимо, они и стали основой новых частей. По крайней мере, П. П. Петров и В. М. Зензинов прямо писали, что дружина была развернута в этот батальон [2, с. 51; 3, с. 66]. У эсеров были и другие мелкие части для охраны: Симбирская дружина, отряд из 150 чел. в подчинении В. К. Вольского, а в Екатеринбурге для Съезда членов Учредительного собрания — отряд из 87 чел. и 3-х офицеров [6, с. 554].

Вербовкой занимался агитационно-вербовочный отдел Совета под управлением Д. И. Басманова. 16 октября им были разосланы группы уполномоченных: уфимская, бирская, стерлитамакская, златоустовская, челябинская, екатеринбургская

(от 5 до 21 сотрудников каждая). Им была дана инструкция по агитации. Сообщалось, что выплата добровольцам составляет 50 руб. в месяц, пособие их семьям — 100 руб. (имеющим от 3 детей — 150 руб.). Вербовка шла при редакции газеты уфимских эсеров «Народ». Формировало части «военное совещание» (оно же «подотдел») Совета под председательством В. В. Нотбека — это был генерал-лейтенант, перешедший в Самаре на сторону Комуча от красных. Штаб полка временно стоял в Уфе на 5-м Софроньевском пути в вагонах, хотя планировалось его перевести. На следующий день вербовка в Уфимской губернии была возложена на Уфимское губернское отделение Совета. Вскоре появились и другие группы: бузулукская, бугурусланская, уральская, оренбургская. Масштабы набора разрастались. 28 октября два стрелка русско-чешского полка, Крангачев и Трибунский, были отправлены для набора в район Ижевского завода [11, л. 8—8 об., 7, 6]. В Уральск был отправлен капитан Головин для приема добровольцев бывшего 33-го Николаевского полка [12, л. 5].

Все финансирование набора и частей Совет взял на себя. Деньги хранились в выделенном 9 ноября сейфе, который охранялся караулом русско-чешского полка. В средствах Совет не стеснялся. Так, 11 ноября военное совещание приняло от него 1 млн руб. [13, л. 2—3]. По обвинениям Г. К. Гинса, всего на военные цели эсеры истратили тогда 15 млн руб., из них агитационному отделу ушло 4,6 млн руб. — причем эсеры брали деньги любыми способами вплоть до реквизиций [14, с. 39]. Другое дело, что выпускаемые ими банкноты Директории имели хождение, да и то ограниченное, только в Уфе.

Для вербовки были учреждены на местах чешские коменданты, например, на станции Екатеринбург-I. Сводка упоминает, что «на заводы в окрестностях были отправлены целые группы «военных агитаторов»... Справка: через коменданта ст. Екатеринбург-I — по записи добровольцев прошло свыше 500 чел.» [6, с. 555]. Поступить в полк желали даже некоторые женщины, как сообщал вербовщик, но им было отказано. Однако на запрос, можно ли брать желающих 17 лет и без медосвидетельствования, В. В. Нотбек написал резолюцию: «Можно принимать всех, кто по наружному виду способен быть солдатом» [15, л. 2—3, 10 об.].

Как уже было сказано, формирование получило одобрение белого командования. 30 октября приказом С. Н. Войцеховского было разрешено формирование русско-чешских полков из лиц, «не подлежащих мобилизации» [16, л. 73 об.]. В тот же день военный подотдел получил приказ начальника штаба Самарской группы. По нему в русско-чешский полк принимались добровольцы для создания батареи и инженерной роты, призывались кавалеристы в отряд Фортунатова и русско-чешский эскадрон, а также добровольцы, «назначенные в Сибирь» [11, л. 14]. Однако далеко не все командиры шли навстречу вербовке. Так, вербовщик из Златоуста сообщал 1 ноября, что штаб 6-й дивизии ее приостановил до получения «распоряжений высших инструкций Сибирской армии» и штаба 1-го Уральского корпуса [15, л. 11—12]. В связи с такими случаями военное совещание запросило помощь командующего чехами Я. Сырового [17, л. 11].

Русско-Чешский полк создавался по чешскому образцу — 3 батальона по 3 роты в 175 штыков, а также конный, артиллерийский и инженерный диви-

зионы. Формирование шло при запасном батальоне 3-го Чешского полка, стоявшего в Уфе в распоряжении С. Н. Войцеховского. Занимался им командир батальона капитан Чила, одновременно командир русско-чешского полка. О службе В. В. Нотбек сообщал: «...условия как [в] Народной Армии срок победный конец офицеры принимаются стрелками повышение по заслугам» [12, л. 11]. В итоге были созданы только два батальона, обоз и хозяйств, конный дивизион, батарея и пулеметная команда из 8 чел. О составе полка сводка пишет: «Большей частью русские, единичные случаи чехов, доминирующее положение занимают гимназисты, реалисты, студенты, офицеры, «сливки рабочих» и чуть ли не вся городская дума г. Оренбурга. Инструкторский отдел и командный — чехи. Дисциплина, как в чешских частях, — братская». То же было с конным дивизионом в 500 человек: «Состав: офицерство, студенчество, добровольцы (но последних мало)» [6, с. 554]. Полковник П. П. Петров также писал, что состав полка был целиком русским, чехи были только на командных должностях [2, с. 60]. Служивший в полку телеграфистом, будущий советский писатель В. А. Итин вспоминал, что «полк представлял собой смесь из люмпен-пролетариата и эсеровско-меньшевистской интеллигенции» [18, с. 184]. Известно, что для полка была установлена и особая кокарда: равнобедренный треугольник вершиной вниз, где нижняя половина — георгиевских цветов, а верхняя — бело-красных. Георгиевские цвета носились в Народной армии Комуча, бело-красные — у чехов. Непонятно, правда, насколько она была распространена. По словам Итина, чинов и знаков отличий не было, так что, по его оценке, полк являлся не столько регулярной частью, сколько «гвардией Комуча» [18, с. 184]. В то же время сводка сообщала про конный дивизион: «На фуражке две ленточки: георгиевская и чешско-национальная» [6, с. 555].

Положение о «Батальоне имени Всероссийского Учредительного Собрания» было издано, видимо, тогда же. В нем сказано, что он создан для защиты Учредительного собрания и находится в подчинении президиума Съезда его членов, который назначал командира. Батальон делался «по образцу русско-чешских полков», все стрелки были равны, вместо офицеров были инструкторы, которые коллективно решали вопрос о производстве в должности. Инструкторы именовались по должности: «гражданин ротный, гражданин взводный»: так эсеры желали уйти от напоминаний о старой армии. Положение требовало дисциплины и в то же время товарищеского единства. Указан и временный штат эскадрона при батальоне: четыре взвода, командир с помощником, четыре младших офицера, два чиновника, сто солдат, три писаря, два фельдшера и четыре мастеровых [19, л. 1—3 об.]. Похоже, состав батальона был аналогичен Русско-Чешскому полку. Известно, например, что в него хотела перейти комендантская команда при штабе войск Хвалынского района — 78 чел., в основном офицеры и унтер-офицеры [20, л. 176—176 об.].

Увы, батальон оставил мало следов в документах. Судя по ним, его командиром был штабс-капитан Осмольский. Позже начал формирование второй, запасной батальон в Уфе, для чего 18 ноября унтер-офицеру Полковникову поручалось создать «походно-вербовочное бюро». 22 ноября командиру предписывалось начать организацию «отставших от своих частей солдат, а также и разрозненных

остатков частей, прибывающих с Бирского и Ижевского фронтов» [21, л. 7, 9]. Исполняющим должность командира запасного батальона был поручик Гадалин [13, л. 3]. Об отличиях батальона ничего не известно, разве что в нем, очевидно, не носили погон и кокард. Есть упоминания, что в конце ноября батальон озаботился теплой одеждой. Поручик В. Н. Взоров сообщал батальону: «Капитан Петров выехал около недели с семейными деньгами и обмундированием точка Приняты срочные меры для постройки и приобретения наушников и валенок точка Провизия высылается с батальонным каптенармусом 29 ноября». На следующий день военное совещание запросил через «Женский союз помощи армии» изготовление наушников, перчаток и валенок на 1000 чел. [21, л. 17, 19]. Цифра показывает, на какую численность рассчитывали эсеры при развертывании батальона в полк.

Процесс формирования шел быстро. Ночью 4 ноября на фронт отправился 1-й батальон русско-чешского полка, созданный на основе роты из под Самары. Приказом Войцеховского в Уфе для 2-го батальона был оставлен необученный добровольческий состав [22, л. 7 об.]. Связано это было с тем, что даже первый батальон был не вполне обучен, и Войцеховский рекомендовал Каппелю «его лучше поддержать несколько дней [в] резерве». За пару часов до выезда Петров сообщил Каппелю об отправке ему и батальона Учредительного собрания в 375 штыков [23, л. 56 об., 118].

Однако добровольцы быстро кончились. Вербовка шла, похоже, только в городах и полностью провалилась в деревне. Уже 10 ноября на Бирском уездном съезде районных организаторов выяснилось, что в одном из городов в русско-чешский полк записалось всего 18 чел. Вербовщик Грицкевич пытался это объяснить близостью к фронту и поведением «отдельных» чинов Народной армии. Организатор в Стерлитамакском уезде Кречетов тоже докладывал, что в полк записалось всего 3 чел. из города, и тоже по тем же причинам: «Беспорядочная в пьяном виде порка невинных людей, скандалы в общественных местах с мордобоями, ругань, бесчинства контрразведки, беспрепятственный свист нагайки разных волостных комендантов-офицеров и многое другое, что наблюдается в Стерлитамаке и о чем с горечью приходится молчать...» [24, с. 307].

Поэтому в части быстро стали вливать мобилизованных. 19 ноября советская разведка сообщала: «Против нас действуют Башкирский батальон; батальон Учредительного собрания; русско-чешский полк, в ряды которого входят русские солдаты, командные же должности замещены чешскими офицерами; 1-й и 2-й чехословацкие полки. Все перечисленные полки состоят из добровольцев, в ряды которых в последнее время стали вливать и мобилизованных». По донесениям от 30 декабря русско-чешский полк составлял всего 100–150 штыков добровольцев при 4 трехдюймовых орудиях. На следующий день сообщалось: «Опросом в штадиве пленных выясняется, что против 26 дивизии действуют первый батальон Учредительного Собрания в составе 4 рот при 8 пулеметах, всего около 300 штыков...». Со слов пленного, в отряде Фортунатова было 3 эскадрона: в первом и втором — по 60 сабель, в третьем — 15 при двух пулеметах: «Формировался отряд в Уфе исключительно из добровольцев, при этом третий эскадрон сформировался в половине ноября месяца, второй и третий эскадрон дрались под Белебеем» [25, л. 40 об., 85,

87, 93]. По точным данным белого штаба, на 10 ноября 1-й батальон русско-чешского полка составлял 465 штыков и 12 пулеметов, батальон Учредительного собрания — 404 штыка и 17 пулеметов [26, с. 72]. К этому надо добавить отряд Фортунатова из 135 конных. Итого, с огромного уральского региона при всех стараниях эсеры наскребли всего тысячу человек.

Все эти части в ноябре–декабре 1918 г. воевали в Самарской группе в составе Сводного корпуса полковника В. О. Каппеля. На фронт был отправлен и польский отряд полковника К. Ю. Румши: полк в 1000 чел., эскадрон в 20 шашек, 20 пулеметов и два орудия [26, с. 72]. Также к Каппелю прибыла французская батарея, которую не удалось задействовать, бронепоезд с английской командой и орудием, и только в декабре стали поступать первые регулярные части из тыла. 10–13 ноября Каппель и Войцеховский смогли отбить красных от Белебея, направив силы с левого фланга и семь чешских батальонов для окружения с севера. Красные понесли потери и прорвались к Бутульме. Судя по всему, в этих боях «части Комуча» из-за небольших размеров в основном использовались для закрепления территории. Так, доклад бригады, отступавшей через д. Байраки, сообщал, что в ней были квартиры поляков, чешский батальон, четырехорудийная батарея и сотня казаков. Ожидали главные силы: 100 поляков, батальон чехов, отряд Учредительного собрания и конный эскадрон [27, л. 132]. В начале декабря красные оправились и стали наступать, но с помощью польского полка Каппель смог временно отогнать их под Белебеем и севернее. В этих описаниях Щепихин и Петров тоже не говорят об активности «эсеровских» частей. Впрочем, Петров отмечал, что они были куда устойчивее мобилизованного уральского пополнения [1, с. 162; 2, с. 60–61]. К счастью, имеются подробные воспоминания стрелка русско-чешского батальона Валентина Виждала, подробно описывающие хронологию сражений. После отхода из д. Байраки батальон, получив 280 добровольцев, успешно вел бои: оборонял деревню Спасская, штурмовал Козелку и Козай-Максимова, а также победил 1-й Пензенский полк под Приютово. Правда, мемуары тоже требуют критического отношения. За бравурным тоном заметно, что успехи во многом обеспечены поддержкой опытных частей и артиллерии. Да и автор не отличается полнотой информации: не говорит о боях на других участках фронта и умалчивает, что батальон в основном был русским [28, с. 97–99].

К тому времени эсеры постепенно встали в конфронтацию к Директории, рассчитывая на «свои» части. Видимо, поэтому чехи решили их ограничить. 8 ноября по приказу Сырового командиром русско-чешского полка был назначен капитан 3-го чешского полка Гайда. Приказ гласил: «Полк считать прикомандированным к Чешкословацкому корпусу и на все виды довольствия Чешкословацкому интендантству. Вся вербовка новых добровольцев на пополнение полка сосредотачивается в руках командира полка, который является ответственным как за предназначенных для этой цели агентов, так и за новых добровольцев. Полк должен быть сформирован на строгих началах дисциплины иерархической лестницы без выборного начала и без комитетов» [29, л. 73; 20, л. 1]. Войцеховский в тот же день получил сообщение вербовщика капитана Добросмыслова, желавшего развернуть в Стерлитамаке чешский отряд, и наложил резолюцию: «Совет

управляющих распоряжений о формировании да-
вать не может» [30, л. 126]. Штаб Самарской группы
тоже сообщил Совету, чтобы без указаний Ставки
и Войцеховского формирования не проводились
[17, л. 6]. Совет не стал спорить, но нашел лазей-
ку, приказав Добросмыслову передать дело вербов-
ки агитационному отделу. Русско-чешским полком
стал временно командовать чешский капитан Карел
Мейстржик [14, л. 7, 10].

Щепихин в воспоминаниях объясняет эту враж-
дебность тем, что якобы эсеры не хотели лишаться
«своих» частей и препятствовали их выходу
на фронт: «Подкладка истинная была та же, т. е.
нежелание Совета расставаться с преданными ча-
стями. Командир батальона Чила почему-то этой
идее покровительствовал». По словам Щепихина,
именно за это Чила и был смещен Войцеховским,
который сам не доверял этим частям, как и вер-
ховное командование, поэтому «поступил очень по-
литично. Он распорядился вооружать и снабжать
лишь те части, которые выдвигались на фронт»
[1, с. 151–152, 148]. Это подтверждается эсером
С. Н. Николаевым: «...под предлогом, что стоящим
в тылу частям нет нужды иметь надлежащее воору-
жение. В их распоряжении были оставлены лишь
берданки, и то в недостаточном количестве, и не-
сколько дрянных пулеметов» [8, с. 29].

Действительно, к частям плохо относилась
и верховная власть — Уфимская директория и глав-
нокомандующий генерал-лейтенант В. Г. Болдырев.
Несколько раз они приказывали распустить эти
отряды. Так, 3 ноября Ставка сообщила, что Бол-
дырев подтвердил приказ о недопущении форми-
рований без его разрешения [17, л. 8]. Зензинов
писал: «Только после протеста и заявления о том,
что проведение в жизнь этого требования уничто-
жит фронт, Директория согласилась проводить эту
реформу не так скоропалительно» [3, с. 70]. Тем
не менее 17 ноября снова было приказано «ввиду
финансовых затруднений» расформировать добро-
вольческие части, батальон русско-чешского пол-
ка отправить на укомплектование войск Каппеля,
а солдат Латышского батальона в Троицке пере-
дать в 7-й кадровый полк [16, л. 93]. Этого, однако,
сделать не успели — эсеры выполняли приказ отка-
зались, а на следующий день грянул колчаковский
переворот, Директория была арестована, Болдырев
вызван в Омск и смещен.

Эсеры решили энергично противостоять перево-
роту. Совет управляющих взял на себя всю власть
в своем регионе и издал воззвание, в котором при-
звал население вступать для защиты демократии
«в ряды Русско-Чешских имени Учредительного
Собрания Полков, отряда Фортунатова и добро-
вольческих отрядов Народной Армии». Однако
снять войска с фронта не решились, о чем писа-
ли эсеры Николаев и Святицкий. Это же сообща-
ют переговоры членов Совета М. А. Веденяпина
и В. Н. Филипповского с Екатеринбургом 18 ноя-
бря: «Оставили все наши части на фронте. Батальон
Учредительного собрания вызываем [в] Уфу» [31,
с. 154]. Климушкин также в воспоминаниях приво-
дит выписку из журнала заседаний, по которой сна-
чала Совет предполагал войск с фронта не снимать
[3, с. 79].

О реальной роли частей в этих событиях доку-
ментов нет, а воспоминания эсеров крайне проти-
воречивы. По версии Зензинова, именно он должен
был отправиться на фронт в батальон Учредитель-
ного собрания, который якобы был под его личным

командованием, а его коллега Нестеров — «под-
нять» русско-чешский батальон. Однако Войцехов-
ский и чехи обещали, что не пропустят колчаковцев,
и уговорили отправить батальон на фронт, чтобы
не сдать Уфу. Когда делегаты частей приехали в го-
род для защиты Совета, Зензинов с Власеком лично
их отправили назад. По громкому заявлению Зен-
зинова, «части дрались как львы, получив задание
взять Самару, где открыть работы Учредительного
собрания» [3, с. 74–75]. Еще масштабнее описание
Климушкина. С фронта якобы был приведен для
охраны Совета отряд Фортунатова. А утром 21 ноя-
бря появились делегаты и сообщили, что в Уфу едут
части для ареста Совета. Узнав об этом, батальон
Учредительного собрания якобы в полном соста-
ве «при 4 пушках и 30 пулеметах снялся с фронта
и прибыл в Уфу», но был задержан Войцеховским
у моста через р. Белую. Делегаты советовали ехать
на фронт под их защиту, что эсеры якобы и хоте-
ли сделать, но пришедший Власек с представителем
штаба Войцеховского их переубедили. После дол-
гих уговоров батальон вернулся на фронт, а русско-
чешский батальон — в казармы [3, с. 90–94]. Труд-
но понять, что из этого правда, но все же батальон
с позиций действительно ожидался в Уфе 19 ноя-
бря [32, л. 6]. Косвенно подтверждает свидетель-
ства Щепихин, который тоже упоминает отправку
войск на фронт. Хотя и здесь описывает противо-
положное — будто Совет этого не хотел и угова-
ривал его, на что он не поддался: «Личная охрана,
безопасность членов Совета достаточно обеспечена
чешским гарнизоном Уфы, и иметь в столь тяжкое
время для фронта какие-то охранные части в тылу
было бы непростительной роскошью» [1, с. 149].

Но в целом воспоминания эсеров ненадежны:
они старались преувеличить и численность сво-
их частей, и их значение, и свою популярность
в них. При этом они называли самые разные циф-
ры. Так, по словам С. Н. Николаева, русско-чешский
полк насчитывал 400–450 штыков, батальон Учре-
дительного собрания — 1000 штыков на фронте
и 250 в Уфе, отряд Фортунатова — 100 сабель [8,
с. 49]. Климушкин тоже писал, что батальон на-
считывал 1000 чел., 30 пулеметов, 4 орудия, отряд
Фортунатова — 200 чел., батальон русско-чеш-
ского полка и «добровольческие части Самары»
1 500 штыков, а также в Уфе — запасной батальон
Учредительного собрания, его эскадрон в 120 чел.,
3 батальона русско-чешского полка (видимо, пу-
тает с батальоном 3-го чешского полка) — всего
1000 чел. Также в их полном распоряжении яко-
бы были башкиры, оренбургские части, ижевцы
и воткинцы, «Татарское правительство» (кото-
рого на самом деле не было, было Башкирское), так
что Климушкин высчитывал таким образом 50–
60 тысяч штыков [3, с. 102–103]. Эсеры бахвали-
лись, будто их влияние в этих частях было без-
размерным. По версии Николаева, в день перед
арестом Совета отряд Фортунатова в Уфе был
приведен в боевую готовность и верхом прождал
до утра, офицеры русско-чешского батальона та-
же ждали сигнала — но запасной батальон Учре-
дительного собрания был окружен войсками, которые
перехватили эмиссаров Совета, и сигнала не после-
довало [8, с. 25–29].

На самом деле, как мы видели выше, вся числен-
ность этих частей составляла около 1000 чел. Даже
если эсеры добились приезда делегатов и баталь-
она, положение определялось не этим. Безопас-
ность эсеров зависела исключительно от воли «со-

юзников» — чехов. Однако те уже переменили симпатии. Все их заверения о надежности защиты были обманом. В ночь на 3 декабря ряд эсеров был арестован при попустительстве чехов и Войцеховского и отправлен в Омск.

Вопреки опасениям фронт отнесся к этим событиям сдержанно, включая набранных эсерами добровольцев. Похоже, даже там у них не было влияния. Так, сводка военного агента упоминает, что командиры русско-чешского полка были недовольны соседями из батальона им. Учредительного собрания: «В их рядах дисциплины никакой — это банда». А в русско-чешском конном дивизионе отношение к Комучу было и вовсе отрицательным [6, с. 555]. Щепихин утверждал, что «на фронте партийный дух сильно выветривался, и части Комуча подпадали иным влияниям; они уже были не опасны» [1, с. 149]. Единственное упоминание о протестах есть у Виждала: он говорит о «возмущении» русско-чешских стрелков, которые «честно сражались на фронте, а в тылу происходили перевороты». «По решению других командиров» начальник 3-го полка отправился в Челябинск к Сыровому за инструкциями [28, с. 99]. О результатах Виждал не говорит, но, надо полагать, командование приструнило недовольных. Как видим, и здесь подтверждается, что все определялось чешским командованием, а симпатий к эсерам нет. Холодное же отношение фронта к внезапному перевороту неудивительно, о нем свидетельствует тот же Щепихин [1, с. 185]. То, что эсеры зря надеялись на эти части, которых надежно держали в подчинении командиры, признал даже эсер Святицкий [5, с. 423].

Несмотря на враждебность колчаковской власти в Омске, части еще долго были на фронте, так как из-за саботажа чехов после конца мировой войны заменить их было нечем. Использовались в это время они как арьергард отступления. 25 ноября Войцеховский сообщил: «В изменение всех ранее отданных приказаний приказываю вашей группе в составе оставшихся у вас чешских частей и батальонов русско-чешского и Учредительного собрания перегруппировать свои части так, чтобы в течение двух суток 26 и 27 ноября удерживать район ст. Глуховская — дер. Мелеуз/Москва. Город Белебей можете очистить» [33, л. 157]. 6 декабря сводка сообщала, что красные отбиты от ст. Приютово к Абдулино, причем командир русско-чешского батальона поручик Раскатный доносил про «героическое самопожертвование частей отряда, работавших при сильном морозе против превосходящих сил красных», что вполне согласуется с воспоминаниями Виждала [34, л. 233]. 29 декабря Каппель доложил: Самарская бригада занимала район Куровки — Сирова — Дмитриев, а «Русско-чешский полк с отрядом есаула Черепанова и батальоном Учредительного собрания задерживают продвижение противника на линии Ст. Дема — Шестаковка. Уфу решено сдать, потому что все полки, кроме русско-чешского, батальона Учредительного собрания и отряда Каппеля оттянуты в район Тавтиманова и силы в Уфе ее защитить не могут» [35, л. 279 — 280 об.]. 31 декабря красные действительно взяли Уфу. Войска ушли на восток, где с 1 января были переформированы в Западную армию генерал-лейтенанта М. В. Ханжина. Каппелевцы, переименованные в 1-й Волжский корпус, отошли в тыл на переформирование. В частности, их русские винтовки стали изымать для фронта, а взамен давались японские.

Недоверие к «эсеровским» частям привело к их ликвидации. 8 января Ханжин приказал расформировать русско-чешский полк, батальон Учредительного собрания, эскадрон Фортунатова и другие мелкие отряды, передав личный состав в Волжский корпус, а чехов — в Чехословацкий. Имущество приказывалось отдать в 6-й Уральский корпус. Неповинующих — предавать военно-полевому суду. Польский отряд с 4 января тоже сосредоточился в заводе Миньяр и по приказу Войцеховского занимался его охраной. 5 января русско-чешский полк с батальоном имени Учредительного собрания и отряд есаула Шеина (4-й Оренбургский казачий полк) перешли на Балашевский завод, где стояли с Казанской бригадой и штабом Волжского корпуса. Командиру Русско-Чешского полка в тот же день был послан приказ об отправке батальона в тыл на ст. Аргаяш для осмотра и передачи военного имущества [36, д. 135 — 135 об., 174, 219, 241]. Как видим, в Аша-Балашевской и Аргаяше стояли два разных батальона русско-чешского полка.

Лояльность частей не вызывала сомнений каппелевцев. 12 января начальник штаба корпуса капитан И. Ф. Ромеров послал в штаб армии телеграмму, где возражал против их разоружения и сослался лично на Каппеля: «Комкор просит доложить, что это явление может вызвать много недовольства, тем более что все эти части исключительно добровольческие». Каппель просил разрешить им получить японские винтовки на общих основаниях, ведь части, «доблестно сражавшиеся в течение нескольких месяцев с общим врагом, вправе рассчитывать на это». Однако командование на это не пошло. По его плану, оружие передавалось в 44-й и 46-й полки корпуса. Генерал-квартирмейстер полковник А. Я. Нарышкин сообщал: «Комиссия заканчивает работы, уже грузит конных разведчиков...» [35, л. 1, 111 — 112 об., 128 — 128 об.]. По сводке штаба армии на 10 января, части насчитывали: «...русско-чешский полк (2 батальона, 30 офицеров, 648 унтер-офицеров, 14 пулеметов) и батальон Учредительного собрания (1 эскадрон, 1 батальон, 22 офицера, 223 унтер-офицера, 43 штыка, 9 пулеметов)» [37, л. 83].

По плану реорганизации они должны были составить 32-й полк 8-й Волжской дивизии Волжского корпуса [29, л. 8 об.]. Но 13 января 1919 г. по Волжской дивизии вышел новый приказ. Батальон Учредительного собрания был передан в Самарскую бригаду, 2-й батальон Русско-Чешского полка — в Казанскую, 1-й батальон, его пулеметная рота, полковой околотов, комендантская команда, а также конные разведчики батальона им. Учредительного собрания — в Симбирскую. В итоге, например, 1-й батальон стал 3-м батальоном 12-го Бугульминского полка [26, с. 72]. Сохранился только дивизион Фортунатова. Партизанские настроения и эсеровские симпатии в нем, однако, остались, и позднее в 1919 г. дивизион самовольно уйдет от колчаковской армии, чтобы попытаться продолжить партизанскую борьбу.

Выводы

Изучение «частей Комуча» позволяет скорректировать принятые в источниках и историографии оценки. Прежде всего, инициаторами их создания были чехи, желавшие сохранения фронта. Из тех же соображений их набор осуществляли эсеры. Несмотря на лозунги «братской дисциплины» и борьбы «за демократию», эсеровского контроля

в них практически не было, и отбор осуществлялся среди любых желающих. Движение за изрядно потухнувшие идеи Учредительного собрания собрало около тысячи человек, чего хватало в основном для второстепенных целей — занятия взятой у красных территории, а потом прикрытия отступления. Эсеры, однако, были уверены в значимости своих частей и пытались использовать их в противодействии перевороту Колчака, но оказалось, что добровольцы и чехи настроены не в их пользу, так что они практически никак не выступили за поддержку Комуча. Несмотря на это, со стороны новой власти к частям сохранилось недоверие, и они были влиты в корпус Каппеля, тем самым продолжив борьбу уже за колчаковскую диктатуру. Слабость данных частей лишний раз подтверждает распространенную оценку слабости «демократической контрреволюции» в Гражданской войне.

Список источников / References

1. Щепихин С. А. Воспоминания 1918–1920 гг. / под ред. А. В. Ганина. Москва: Фонд «Связь Эпох», 2024. 976 с. ISBN 978-5-907396-34-0.
Shchepikhin S. A. Vospominaniya 1918–1920 gg. [Memories of 1918–1920s] / Ed. by A. V. Ganin. Moscow, 2024. 976 p. ISBN 978-5-907396-34-0. (In Russ.).
2. Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Рига, 1930. 250 с.
Petrov P. P. Ot Volgi do Tikhogo okeana v ryadakh belykh [From Volga to the Pacific Ocean in whites' ranks]. Riga, 1930. 250 p. (In Russ.).
3. Петрушева Л. И., Теплова Е. Ф. Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов / отв. ред. Г. А. Трукан. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 1995. 443 с. ISBN 5-201-00582-9.
Petrusheva L. I., Teplova E. F. Rossiya antibolshevistskaya: Iz belogvardeyskikh i emigrantskikh arkhivov [Anti-Bolshevik Russia: From the white guard and emigrant archives] / Ed. by G. A. Trukan. Moscow, 1995. 443 p. ISBN 5-201-00582-9. (In Russ.).
4. Салдугеев Д. В. К вопросу формирования русско-чешских полков в период Гражданской войны в России // Социально-экономические, институционально-правовые и культурно-исторические компоненты развития муниципальных образований: сборник трудов IX Научно-практической конференции. Миасс: ООО «Абориген», 2012. С. 218–220.
Saldugueyev D. V. K voprosu formirovaniya russko-cheshskikh polkov v period Grazhdanskoy voyny v Rossii [On the formation of Russian-Czech regiments during the Civil War in Russia]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye, Institutsional'no-pravovyye i Kul'turno-istoricheskiye Komponenty Razvitiya Munitsipal'nykh Obrazovaniy*. Miass, 2012. P. 218–220. (In Russ.).
5. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Москва: Вече, 2017. 592 с. ISBN 978-5-4444-5391-9.
Melgunov S. P. Tragediya admirala Kolchaka. Iz istorii Grazhdanskoy voyny na Volge, Urale i v Sibiri [Tragedy of Admiral Kolchak. From the history of the Civil War on Volga, Urals and Siberia]. Moscow, 2017. 592 p. ISBN 978-5-4444-5391-9. (In Russ.).
6. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. Москва: Кучково Поле, 2018. 1024 с. ISBN 978-5-9950-0934-4.
Cheshsko-Slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy [Czech-Slovak (Czechoslovakian) corps. 1914–1920s. Documents and materials. In 2 vols. Vol. 2. Czechoslovakian Legions and the Russian Civil War. 1918–1920s]. Moscow, 2018. 1024 p. ISBN 978-5-9950-0934-4. (In Russ.).
7. Голуб П. А. Белый террор в России (1918–1920 гг.). Москва: Изд-во Патриот, 2006. 477 с. ISBN 5-7030-0951-0.
Golub P. A. Belyy terror v Rossii (1918–1920 gg.) [White terror in Russia (1918–1920s)]. Moscow, 2006. 477 p. ISBN 5-7030-0951-0. (In Russ.).
8. Ганин А. В. Адмирал А. В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противостояние в ноябре–декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. № 1 (8). С. 21–37.
Ganin A. V. Admiral A. V. Kolchak i partiya sotsialistov-revolutsionerov: voyenno-politicheskoye protivoborstvo v noyabre–dekabre 1918 g. [Admiral A. V. Kolchak and the Socialist Revolutionary party: the military-political confrontation in November–December 1918]. *Voyennyy Kommentator. Voyenno-istoricheskiy Al'manakh (Ekaterinburg)*. 2009. No. 1 (8). P. 21–37. (In Russ.).
9. Залунина К. Н., Казаков А. Я. О работе подпольных большевистских организаций Сибири (1918–1919 гг.): документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Исторический архив. № 2. 1962. С. 96–119.
Zalunina K. N., Kazakov A. Ya. O rabote podpol'nykh bolshevistskikh organizatsiy Sibiri (1918–1919 gg.): dokumenty Instituta marksizma-leninizma pri TsK KPSS [On the work of subterranean Bolshevik organizations in Siberia (1918–1919): documents from the Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU]. *Istoricheskiy arkhiv. Historical Archive*. No. 2. 1962. P. 96–119. (In Russ.).
10. Петров А. А. Оставление Сызрани и Самары Народной армией Комуча (20 сентября–20 октября 1918 г.) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: тр. Пятой Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2014. С. 425–438. ISBN 978-5-7937-1082-4. EDN: AKOTVH.
Petrov A. A. Ostavleniye Syzrani i Samary Narodnoy armiiyey Komucha (20 sentyabrya–20 oktyabrya 1918 g.) [Abandonment of Syzran and Samara by the Army of Komuch (September 20–October 20, 1918)]. *Voyna i Oruzhiye. Novyye Issledovaniya i Materialy*. Saint Petersburg, 2014. P. 425–438. ISBN 978-5-7937-1082-4. EDN: AKOTVH.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–670. Оп. 2. Д. 1.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archives of the Russian Federation (SARF)]. File: P–670/2/1. (In Russ.).
12. ГАРФ. Ф. Р–670. Оп. 2. Д. 4.
GARF [SARF]. File: P–670/2/4. (In Russ.).
13. ГАРФ. Ф. Р–670. Оп. 2. Д. 13.
GARF [SARF]. File: P–670/2/13. (In Russ.).
14. Колчаковщина. Из белых мемуаров / под ред. Н. А. Корнаковского. Ленинград: Изд-во «Красная Газета», 1930. 240 с.
Kolchakovshchina. Iz belykh memuarov [Kolchakshchina. From the White Memoirs] / Ed. by N. A. Kornatovsky. Leningrad, 1930. 240 p. (In Russ.).
15. ГАРФ. Ф. Р–670. Оп. 2. Д. 7.
GARF [SARF]. File: P–670/2/7. (In Russ.).
16. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39624. Оп. 1. Д. 2.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. File: 39624/1/2. (In Russ.).
17. ГАРФ. Ф. Р–670. Оп. 2. Д. 5.
GARF [SARF]. File: P–670/2/5. (In Russ.).
18. Тепляков А. Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и общество в Сибири в XX веке: сборник научных статей. Новосибирск: Параллель, 2015. Вып. 6. С. 181–208. EDN: UXZAZV.
Teplyakov A. G. «Ya ne chinovnik i ne trus»: sud'ba Viviana Itina [“I am not an official and I am not a coward”: the fate of

Vivian Itin]. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Power and Society in Siberia in the 20th Century*. Novosibirsk, 2015. Issue 6. P. 181–208. EDN: UXZAZV. (In Russ.).

19. РГБА. Ф. 39568. Оп. 1. Д. 1.

RGVA [RSMA]. File: 39568/1/1. (In Russ.).

20. РГБА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 35.

RGVA [RSMA]. File: 39548/1/35. (In Russ.).

21. ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 2. Д. 10.

GARF [SARF]. File: P-670/2/10. (In Russ.).

22. ГАРФ. Ф. Р-4370. Оп. 1. Д. 17.

GARF [SARF]. File: P-4370/1/17. (In Russ.).

23. РГБА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 14.

RGVA [RSMA]. File: 39500/1/14. (In Russ.).

24. Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии: 1917–1919 гг. Уфа, 1966. 483 с.

Aminev Z. A. *Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Bashkirii: 1917–1919 gg.* [October Socialist Revolution and Civil War in Bashkiria: 1917–1919]. Ufa, 1966. 483 p. (In Russ.).

25. РГБА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 946.

RGVA [RSMA]. File: 185/3/946. (In Russ.).

26. Симонов Д. Г. К истории формирования 1-го Волжского армейского корпуса генерала В. О. Каппеля // Власть и общество в Сибири в XX веке: сборник научных статей. Новосибирск: Параллель, 2015. Вып. 6. С. 68–82. EDN: UVQSDV.

Simonov D. G. K istorii formirovaniya 1-go Volzhskogo armeyskogo korpusa generala V. O. Kappelya [On the history of the formation of the 1st Volga Army Corps of General V. O. Kappell]. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Power and Society in Siberia in the 20th Century*. Novosibirsk, 2015. Issue 6. P. 68–82. EDN: UVQSDV. (In Russ.).

27. РГБА. Ф. 169. Оп. 2. Д. 1с.

RGVA [RSMA]. File: 169/2/1s. (In Russ.).

28. Brno v boji za svobodu: sbornik vzpomínek. Druhý svazek. Brno, 1935. 156 s.

Brno v boji za svobodu: sbornik vzpomínek. Druhý svazek. [Brno in the fight for freedom: a collection of memories]. Brno, 1935. 156 p. (In Czech).

29. РГБА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 8.

RGVA [RSMA]. File: 39624/1/8. (In Russ.).

30. РГБА. Ф. 39554. Оп. 1. Д. 11.

RGVA [RSMA]. File: 39554/1/11. (In Russ.).

31. Плотников И. Ф. Окончательная гибель Всероссийского Учредительного собрания. Сентябрь–декабрь 1918 г. // Исторический архив. № 4. 1999. С. 141–172.

Plotnikov I. F. *Okonchatel'naya gibel' Vserossiyskogo Uchreditel'nogo sobraniya. Sentyabr'–dekabr' 1918 g.* [Final collapse of the All-Russian Constituent Assembly. September–

December 1918]. *Istoricheskiy arkhiv. Historical Archive*. No. 4. 1999. P. 141–172. (In Russ.).

32. ГАРФ. Ф. Р670. Оп. 2. Д. 2.

GARF [SARF]. File: P670/2/2. (In Russ.).

33. РГБА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 15.

RGVA [RSMA]. File: 39500/1/15. (In Russ.).

34. РГБА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 16.

RGVA [RSMA]. File: 39500/1/16. (In Russ.).

35. РГБА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 4.

RGVA [RSMA]. File: 39624/1/4. (In Russ.).

36. РГБА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 3.

RGVA [RSMA]. File: 39624/1/3. (In Russ.).

37. РГБА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 84.

RGVA [RSMA]. File: 39624/1/84. (In Russ.).

ЗАЯЦ Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры «История» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), г. Москва.

SPIN-код: 8404-6016

AuthorID (РИНЦ): 959848

ORCID: 0009-0008-3265-2456

Адрес для переписки: nikza91@yandex.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 03.09.2025.

ZAYATS Nikolai Alekseevich, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the History Department, Moscow Aviation Institute, Moscow.

SPIN-code: 8404-6016

AuthorID (RSCI): 959848

ORCID: 0009-0008-3265-2456

Correspondence address: nikza91@yandex.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 26.05.2025; accepted for publication 03.09.2025.